

Наталья Краснослободцева

"Надежный"

18+

Наталья Краснослободцева

"Надежный"

<https://litres.ru/74122312>

SelfPub; 2026

Аннотация

Андрей ненавидит свою работу, свою квартиру и себя. Единственное, что он любит - алкоголь, потому что он делает тишину в голове громче. Яна ненавидит оставаться на месте. Она меняет города, работы и людей, потому что бежать не так страшно, как привязываться. У них нет ничего общего, кроме одного: они оба не знают, как жить по-настоящему. Но когда случай сводит их вместе, начинается история о том, как найти себя, когда кажется, что ты уже навсегда потерян.

Наталья Краснослободцева

"Надежный"

Глава 1

Сквозь плотно задернутые шторы едва пробивался свет, отчего в комнате было еще мрачнее.

Андрей проснулся от какого-то неприятного сна, и такое случалось нередко, сейчас он пытался вспомнить, что же такого неприятного там произошло. Сам не зная зачем, он хотел испытать эти чувства в полной мере и узнать их причину, ведь наверняка она была не так уж нелепа, как обычно бывает во сне. Парень продолжал лежать на спине. Глаза были направлены в потолок, но взгляд был устремлен сквозь, время от времени все расплывалось, иногда появлялась едва заметная зернистая рябь.

Вставать совершенно не хотелось. У наступившего дня не было конкретной цели. Попытки же ее придумать заканчивались ощущением, что в голову залили свинец, мысли путались и стремились в ту темную сторону, которая неизбежно вызвала тревогу.

«Что же там было?»

В голове проносились образы, не давая себя ухватить.

«Вроде, был старый двор. Или вид на двор из моей старой спальни? Нет, там была родительская квартира, но больше?»

Андрей лежал так минут пятнадцать, может, двадцать, и с каждой минутой образы становились все более размытыми.

«Мерзкое чувство.»

Когда парень окончательно оставил попытки вспомнить сон, до слуха стали доноситься привычные звуки, свидетельствующие о жизни снаружи: металлические щелчки открываемой и закрываемой подъездной двери, крики детей на площадке, громкие разговоры за стеной, шуршание шин по асфальту.

Андрей шумно втянул прохладный воздух. Несмотря на середину зимы, форточка всегда была открыта, чтобы выветривался табачный дым. Наконец, две бледные ступни опустились на ледяной пол. Длинные пальцы рук вплелись в черные волосы и сцепились в замок на затылке. Поясница ныла и по-саdistски медленно отдавала наверх в спину.

«Мазь купить уже, что ли?»

Спать больше не хотелось, смены сегодня нет, надо придумать, чем заняться. Андрей неохотно поднялся с кровати и прошаркал по узкому малоосвещенному коридору на кухню. На холодильнике висел стикер, оставленный соседом: «купи себе хотя бы молоко!». Этот стикер висел на холодильнике с того времени, когда Андрей сюда только въехал. Парень дернул ручку и осмотрел полки: осталась пара порций рагу, половина булки отрубного хлеба, два помидора и 4 яйца. И

ничего из этого он не покупал. А вот что он покупал – так это алкоголь, его в холодильнике не оказалось.

Вернувшись в спальню, парень сунул руку в карман халата, висевшего не спинке кресла. Вынув оттуда пачку сигарет, обнаружил, что их осталось всего две. Сразу закурив одну, он подошел расшторить окно, чтобы дым мог свободно выираться наружу. Глазам открылась привычная безжизненная картина двора, обреченного на упадок, как и всех дворов советской постройки. Нелепые бетонные козырьки над подъездными дверьми, раскрошенные бордюры, заезженные узкие дороги с припаркованными машинами наполовину на дороге, наполовину на детской площадке. Особую почти ностальгическую боль вызывали карусели, отслужившие свой срок, закатанные у основания в бетон так, что не могли больше крутиться. Покрышки с растущими в них цветами, служащие декорациями клумб.

«Нелепая картина. Кричащее доказательство того, что мы где-то свернули не там.»

Рухнул в кресло и подтянул к себе пепельницу. Мысль о том, что нужно будет выбраться в магазин с каждой секундой становилась все более ненавистной. Утешало лишь то, что домой он вернется с пивом, а, значит, все будет не так уж плохо.

Сигаретный дым, медленно выпускаемый из бледных тонких губ, лениво расплывался по комнате, образуя причудливые линии и волны. Наблюдение за ними удивительным

образом успокаивало. Андрей невольно закурил последнюю сигарету и провел в кресле еще около десяти минут, наслаждаясь каждой затяжкой, и пытаясь понять, зависит ли форма линий от того, как он выпускает дым.

Наконец, добравшись до ванной, парень нехотя, даже с некоторой неприязнью, посмотрел в зеркало: в желтом искусственном свете все тени были преувеличены, каждая морщинка была не просто видна, а, буквально, привлекала к себе взгляд. Под тусклыми серыми глазами легли две темные ямы, щеки немного впали, щетина не сходила с лица, бледность которого лишь подчеркивалась взъерошенными черными волосами. Стоя в душе, Андрей наслаждался прохладными струями воды, падающими на голову, и стекающими по лицу и дальше вниз. Вода была второй в списке вещей, которые дарили хоть какую-то безмятежность.

На улице было холодно и немного ветрено, но снег не шел. Андрей поплелся в сторону магазина, жалея о том, что вообще вышел из дома, по мере того, как уши начинало все сильнее покалывать. Маленькое непримечательное кирпичное здание освещалось одним не слишком ярким фонарем прямо над дверью, там же красовалась разбитая вывеска, которую не чинили уже четвертый год. В тесном помещении было два отдела: продуктовый и пивной. Замявшись на входе на несколько секунд, парень уверенно повернул налево, в пивной отдел. Там его встретила уже знакомая молодая (на вид лет тридцать) крашеная блондинка. Андрей видит ее

несколько раз в неделю на протяжении уже двух лет, и ни разу за это время она не была равномерно окрашена от корней до кончиков. У нее всегда, все два года, была одна и та же не изменяющаяся полоска отросших пепельно-русых волос. Парня это раздражало.

—
Добрый вечер. - Улыбнулась продавщица.

Андрей в ответ кивнул, не сочтя нужным убедиться, что женщина увидела это. Он был сосредоточен на холодильнике. Выбрав какое-то непримечательное дешевое светлое пиво, он открыл дверцу и выудил семь бутылок.

—
Пакет. И сигареты.

—
У нас сегодня акция. При покупке от четырехсот рублей лимонад в подарок. - С этими словами женщина развернула черный пакет и, широко улыбнувшись, поставила в него Дюшес.

Андрею ее улыбка всегда казалась ненастоящей, наигранной, но порой так хотелось верить в ее искренность.

В соседнем отделе парень взял две бутылки молока, хлеб и пачку яиц. На большее денег у него не оставалось, впрочем, больше ему было и не нужно.

Выйдя из магазина, он закурил прямо под вывеской. Сумерки неохотно уступали место ночи, стало еще холоднее. Андрей поспешил домой.

Еще только разуваясь в коридоре, он почувствовал себя намного спокойней: как и ожидалось, наличие пива поднимает настроение. В квартире было тихо и темно, везде, кроме коридора.

Парень зашел в свою комнату, выставил пиво в ряд возле своего стола, все остальные продукты, не разбирая, прямо в пакете просто сунул в холодильник и вернулся в комнату, по привычке плотно закрыв за собой дверь, чтобы запах сигарет не разносился по всей квартире.

Как кончилась первая бутылка Андрей не заметил вовсе, на второй немного повеселел, на третьей захмелел, смотря какое-то малоинформативное видео в интернете. На четвертой на него напала скука, смысл видео он не улавливал, да и не очень хотел, включил первый попавшийся под руку плейлист. На пятой появилась тоска, Андрей крутил в руках бутылку, смотря на то, как в зеленоватом стекле переливается свет монитора. Шестая наводила на странные мысли, они бурным потоком проносились сквозь голову, пиво, замутнившее рассудок, мешало зацепиться хоть за одну. Именно такого эффекта Андрей и добивался.

Седьмую он пил сидя на полу, прижавшись спиной к стене в полной темноте и тишине. Сквозь кофту и слой обоев он ощущал холод бетона, по полу из открытой форточки тянулся зимний воздух, легко обдувая босые ноги. В руке тлела сигарета, затяжка чередовалась с глотком из бутылки, после выдох.

В старших классах они часто так делали, чтобы быстрее напиться, потому что алкоголя было мало, трудно было достать. Иногда играли в «глоточки»: это когда двое или несколько человек пьют по кругу, делая с каждой передачей бутылки на глоток больше соседа.

На следующий день он обнаружил себя лежащим на кровати. Бутылка рядом была пуста, пепельница опрокинута. Наверное, перевернул ночью, когда заползал на кровать. Неприятное ощущение стянутости от высохших слез на щеках.

Андрей поежился, попытался встать и почувствовал острую боль где-то справа между ребрами. Он не удивился, как и прошлым утром, списав на то, что его могло продуть. Прокurveyляв на кухню, он открыл старый холодильник, обклеенный наклейками, оставшимися от хозяев, выудил бутылку молока и осушил ее наполовину. Затем последовали рутинные утренние процедуры. Вернувшись в комнату, Андрей осмотрел свой стол и пол, заставленные бутылками в произвольном порядке, посмотрел на опрокинутую пепельницу. Лениво подошел к ней, нагнулся, чтобы поднять, но боль напомнила о себе, и парень, сделав усилие, выпрямился, держа в руке пепельницу, издав при этом сдавленный хрип.

Поставив ее на стол, он решил, что больше ничего не хочет делать. Оглядев бутылки, подумал, что было бы неплохо застись на вечер, чтобы смена проходила не так тоскливо,

как обычно, но вспомнил, что на последние деньги вчера купил хлеб и яйца. И зачем они ему только нужны, если молока вполне достаточно. Впрочем, сэкономив на хлебе и яйцах, много пива все равно не купить.

Андрей со скрипом завалился на кровать, отыскивал под подушками телефон. Месяц выдался неудачным, работы было немного, аванс получился гораздо меньше, чем он рассчитывал. До следующей зарплаты еще неделя. Вариантов не осталось – надо звонить родителям. Парень лежал на кровати с телефоном в руке, прокручивая слова, которые скажет, снова и снова, стараясь придать им человечности или хотел, чтобы просьба не звучала такой уж жалкой.

Наконец, собравшись с духом, он вызвал абонент, подписанный как «мать».

- О! – Воскликнул женский голос на другом конце трубки,

- Ну, привет!

- Привет, мам.

- Как у тебя дела? – Откуда-то из глубины квартиры приглушенно послышался мужской бас «кто это?», женщина, прикрыв телефон рукой, раздраженно ответила «ну я же разговариваю, потом несколько секунд длилась перепалка, наконец, из трубки послышалось «Да Андрей это», «а сразу сказать было сложно?» ответил мужской голос, и женщина вернулась к телефонному разговору, – Ну так как дела?

- Да неплохо. Только это...

- Что? – Пауза. – Ну что такое?

- Ну, в общем, у меня месяц рабочий выдался не очень, праздники же, все дела. Вы не могли бы мне денег одолжить?

Из трубки послышался вздох, давно знакомый. В нем чувствовалось разочарование и облегчение одновременно. Андрей знал, что матери приятно знать, что она нужна ему, но деньги – это всегда вопрос деликатный.

- Сколько?

- Тысяч пять.

- Хм. – Снова пауза. – Ладно, но только при условии, что ты сам за ними зайдешь, а то эти переводы, там такая комиссия, и даже не знаешь, за что платишь.

- Ой, мам, да ладно тебе, не такая уж и большая комиссия, тем более, если переводить...

Голос в трубке перебил Андрея, чуть повысив тон.

- Такое условие. Когда ты вообще у нас был-то в последний раз?

- Ладно. Тогда часа через полтора приду, нормально?

- Так срочно?

- У меня смена сегодня, так что да, хотелось бы все успеть до работы.

- Не нравится мне эта твоя работа непонятная. То в день, то потом в ночь, а занимаешься все равно черт знает чем.

- Мам, давай я приду – обсудим. Не по телефону.

Снова вздох.

- Ладно. Ждем.

Андрей завершил звонок. Идти куда-то совершенно не хо-

телось, особенно к родителям. Вид старой квартиры навивал такие странные ностальгические чувства, которых любой человек в здравом уме старался бы избежать. Но родители наотрез отказывались переезжать, ссылаясь на возраст, на цены на рынке недвижимости, на власть, на погоду, на что угодно, лишь бы избежать этого разговора.

Как и обещал, собравшись за час, Андрей вышел на улицу. На нем было распахнутое зимнее пальто, шарф он по какой-то причине не носил, только жаловался на мороз время от времени.

Родители Андрея жили в двух кварталах от него, в глубине улицы, далеко от шумной дороги. Их дом стоял напротив другого дома, образуя угол в девяносто градусов, а в квадрате между домами расположилась детская площадка. Едва завидев ее издали, Андрей почувствовал, как в груди что-то сжалось.

Он вспомнил, как в такую же погоду зимой они с дворовыми приятелями играли в прятки, несмотря на голые ветки деревьев и грязь от кое-где подтаявшего снега. Он вспомнил лето, когда в первый раз обратил внимание на цветущую черемуху у последнего подъезда, какой уют он тогда ощутил, сидя на скамейке, и, чувствуя мягкие касания белых лепестков на лице. А как однажды они наелись этой черемухи, и весь двор ходил с черными языками, а потом им сказали, что дикую черемуху не едят. Почему-то вдруг вспомнил ярко-красные ветки рябин вокруг стадиона школы, когда он в

самый первый раз пришел на первое сентября, как он, взволнованный, но полный восторга, шел с букетом цветов сквозь свой двор, мимо каруселей, стараясь обходить осенние лужи, глядя на деревья, начинающие желтеть.

Почти бегом преодолев двор, Андрей вскочил по ступенькам вверх, набрал на домофоне нужные цифры и нервно подрагивая ногой ждал ответ.

- Кто?

- Свои.

Дверь запищала, и парень оказался внутри, в спасительном подъезде. Его часто перекрашивали, окна заменили на пластиковые, давно сменили старые почтовые ящики на какие-то серые, новомодные, выглядящие такими тонкими и минималистичными. Ничего общего с теми, что были раньше: громоздкие, со старой темно-зеленой краской, кое-где протершейся, и эти скрипучие дверцы с тремя дырочками. Андрей зажмурился и в несколько секунд преодолел два этажа, оказавшись напротив родительской квартиры. Сразу вошел.

Это была семейная привычка: когда открываешь своим домофон, сразу открываешь замок на двери и идешь дальше заниматься своими делами. Дверь осталась такой, какой Андрей ее всегда помнил: старая, обитая черной искусственной кожей, помутневшая, с позолоченным номером квартиры вверху, над глазком.

Парень вошел внутрь. Пахло в квартире как всегда, от это-

го Андрею даже стало немного дурно. Столько впечатлений за каких-то десять минут. Но он знал, что через пару минут привыкнет к запаху и перестанет его замечать, с этим станет проще. Коридор все тот же, каким Андрей помнил его с детства: старая лакированная тумба в правом углу рядом с дверью, вешалки слева, завешанные всякой всячиной, многое из всего этого давно уже не носилось, что-то можно было бы убрать на стеллаж до подходящего сезона, но родители перестали заниматься многими бытовыми вещами с тех пор, как Андрей и Лера от них съехали.

Коридор, разделявший кухню, зал и спальню так же был заставлен тумбами, коробками с неизвестным содержимым, какими-то досками, которые отец семейства, вероятно, планировал когда-то перенести в гараж.

- Привет! – Послышался с кухни голос матери.

- О, ты уже тут. – Отозвался отец из зала.

Было слышно, что он смотрит телевизор. Андрей зашел к нему.

- Привет. – Сказал парень, - А ты совсем не меняешься.

Андрей знал, что это ложь, потому что за те три месяца, что они не виделись, у отца появилось больше седины, казалось, появилось больше морщин, и, в целом, он выглядел куда более уставшим, и его вечно улыбающиеся глаза, теперь улыбались как-то печально. Но это была ложь во благо, потому что Владимир Викторович, пятидесяти семилетний мужчина, и сам прекрасно подмечал изменения в своем внешнем

виде, чувствовал их, ему было приятно слышать этот комплимент, хоть и отдаленно напоминающий правду.

- А ты, кажется, похудел. – Улыбнулся отец, убавляя громкость телевизора.

- Да, сбросил немного. Из-за работы, наверное, иногда совсем теряюсь во времени.

- Понимаю. Есть хочешь?

В комнату вошла полная женщина, у нее были редкие темно-русые волосы с сединой, как и у отца Андрея, она была в бесформенном домашнем платье, которое еще больше ее полнило, хоть и было вполне к лицу.

- Привет, сынок. – Она обняла Андрея и чмокнула его в щеку. – Есть хочешь?

- Я только что у него спросил. – Вмешался отец.

- Ах, извини. Ну так что, Ваш сын голоден? – Мать начала раздражаться.

- Не начинайте сейчас, пожалуйста. – Устало сказал Андрей и рухнул на диван, - Мне и так в ночь работать. Нет, есть я не хочу, спасибо. Но не отказался бы от кофе. – Секунду подумал, затем встал, - И даже сам себе его сделаю. У вас же есть?

Родители смотрели на него немного растерянно, но все же ответили, что есть, и даже сказали где.

Андрей вошел в маленькую кухню, все с тем же столом, обклеенным теми виниловыми клеенками с нелепыми ужасно яркими огромными цветами или фруктами. Безвкусица.

Кое-где были видны следы порезов, на уголках клеенка была ободрана, Андрей сам лично ее обдира́л в детстве, по чуть-чуть, порой сам того не замечая. Еще было две прожженные дырочки, они остались еще с тех времен, когда отцу разрешилось курить на кухне. Старый кухонный гарнитур, обклеенный все тем же материалом, но с принтом, имитирующим мрамор. Две тумбы, знакомая старая плита, на которой Андрей не раз убеждался в опасности огня. Он открыл один из верхних комодов, достал банку быстрорастворимого кофе, насыпал две чайные ложки в кружку, взятую со старой сушилки для посуды там же наверху, рядом с комодом. Чайник был горячий.

Вернувшись с кружкой в зал, Андрей снова сел на диван. Все почему-то молчали. Андрей догадывался почему, но начинать диалог первым не решался. Все-таки он пришел за деньгами, значит, придется играть по правилам.

Отец смотрел на сына, явно выжидая чего-то, наконец, заговорила мать, стоящая чуть позади кресла.

- Знаю, мы всегда были за то, чтобы сам разбирался со своей жизнью, но, может, получить образование – не такая уж и плохая идея, а? Отучишься, пойдешь специалистом, привыкнешь. Зато стабильно и все понятно. – Мать состроила такое жалобное лицо, на какое только была способна.

- Мы это уже проходили, кажется. – Холодно отозвался он.

- Знаю, но люди, бывает, меняют мнение.

- Я подумаю на досуге. - Андрей поставил кружку на стол,

- Мне надо еще в магазин успеть перед работой. Я так заскочил, чтобы узнать, как дела. Вижу, все нормально. Так что мне пора бы идти.

- Так скоро? – Взволновалась мать. – Ты же пять минут назад пришел.

- Да, вспомнил, что есть еще дело, которое надо успеть сделать сегодня. Так что, простите, я пойду.

Когда Андрей обувался, к нему подошла мать и протянула купюру в пять тысяч рублей. Парень взял ее и сунул во внутренний карман пальто.

- Спасибо, мам.

- Ты все-таки подумай еще, ради меня, ладно?

- Хорошо. – Сухо ответил Андрей, затем обнял мать и вышел из квартиры.

Скорее вниз по лестнице, на волю. Выйдя из подъезда, он закурил. Руки слабо тряслись, огонек нервно плясал. Глубокая затыжка, секунда безмятежности, выдох.

Парень быстрым шагом пересек двор, стараясь смотреть только под ноги. Ему действительно достаточно впечатлений для одного дня. Даже для месяца этого многовато. Он почти ненавидел ходить к родителям. Ему было грустно наблюдать их старение, слушать их нравоучения, скрытые за заботой. Думать, что, возможно, они действительно беспокоятся, но не знают, как еще помочь, кроме того, чему научились за свою собственную жизнь. От этого становилось страшно, грустно, одиноко, потом накатывала злоба, иногда даже

ярость. Что за злая шутка, когда родители – самые близкие, как положено, люди – так от тебя далеки. И даже не по своей вине.

Сигарета закончилась, Андрей закурил вторую. Срочно нужно в магазин. Теперь, когда есть деньги, можно запастись спиртным на целую неделю. Полоскать им рот, пить вместо чая, запивать им таблетки. Все, что угодно, лишь бы все эти мысли прекратились хоть на пару часов.

В больших магазинах Андрей чувствовал себя крайне неудобно: гигантские стеллажи, давящие на тебя своим внушительным размером, изобилие товаров, предназначенных для одного и того же. Зачем сорок разных видов мыла? Зачем пятнадцать марок чипсов? Зачем нужна вся эта гонка производителей? Потребительская растерянность, запутанность, неуверенность?

Андрей почти летел мимо многочисленных покупателей: семейных пар, одиночек, молодых и пожилых, мужчин, женщин, детей. Ему просто нужно попасть в тот отдел, где в разгар рабочего дня почти никого не бывает, там тихо, там так красиво. И вот он ступил на кафель бардового цвета, и все вокруг преобразилось, все образы растворились, потерялись в изобилии красивых бутылок на полках из дерева, зеленое стекло, прозрачное стекло, даже синее. Вина, виски, джин, текила, водка. Расставленные с заботой и знанием. Прекрасная тонкая работа.

На кассе пробили десять бутылок пива, две бутылки сред-

него виски, две бутылки водки и какой-то коньяк, взятый спонтанно из-за формы бутылки.

- И сигареты, три пачки, пожалуйста.

Наконец, добравшись домой, Андрей закрыл дверь, и с облегчением выдохнул. Распихал бутылки по холодильнику, водку убрал в морозилку, пиво взял с собой в спальню. Потом вернулся к холодильнику, достал водку, сделал уверенный глоток и вернул ее на место. Вернувшись в свою комнату, плотно закрыл дверь. Открыв бутылку пива, устроился в кресле и сразу же закурил.

Через несколько минут водка, «отшлифованная» пивом, дала о себе знать, стало спокойно. Даже немного весело. До работы оставалось порядка трех часов. Андрей решил посмотреть что-нибудь. Непродолжительные поиски привели к фильму об истории создания фейсбук. Парень счел, что это может быть интересно.

На двадцатой минуте фильма в ход пошла вторая бутылка пива. С каждой новой минутой Андрей чувствовал себя все более и более странно. Он внимательно вглядывался в лицо главного героя, и пусть это был всего лишь актер, парень пытался высмотреть что-то, чего сам до конца не мог понять. На середине фильма он уже чувствовал злобу.

«Престижный вуз. Престижная специализация. Бросить учебу ради бизнеса. Хах. А мы ведь верили в эту сказку в школе: бросил учебу и построил империю с нуля».

Андрей закрыл вкладку с фильмом. В голове все-равно

настойчиво носились мысли, и одна из них выбилась среди прочих:

«А, может, и правда получить образование? Хоть какое-нибудь. Сделают из меня человека. Порядочную ячейку».

Когда до смены оставалось три минуты, Андрей открыл рабочий браузер, все необходимые вкладки, проверил почту, вошел в аккаунт. Он был уже порядком пьян, но в подобном состоянии коротал ночную смену не впервые. Ночью заявок в техподдержку было меньше, часто они внезапной неостановимой волной образовывались в промежутке между трех и пяти утра, но до этого времени еще нескоро. Да и рука была уже набита, Андрей отвечал на заявки не задумываясь. В три-четыре четких движения мышкой, вычлняя только ключевые слова из писем, не читая их полностью. Все они были однообразны.

Поначалу парня веселили письма разгневанных пользователей, недовольных очередным обновлением или какой-то ошибкой, они присылали угрозы, сорили бранью. Потом такие письма стали раздражать.

«Я, блин, в техподдержке сижу, в разработке не участвую, зачем мне это дерьмо?» - Думал он, успокаивая очередного озлобленного пользователя.

Ночь тянулась бесконечно. Рабочие смены всегда минуту превращали в час, однообразие и привычная картина нагоняла тоску, временами заявки не поступали вовсе в течение

получаса, иногда - часа. Так, прикованный к монитору, Андрей чувствовал себя заложником. Почти каждую смену старался держать неподалеку алкоголь, чтобы компенсировать бесконечность времени.

Так и в этот раз: он продолжал пить, параллельно смотря какие-то видео, которые не заставляли слишком, вернее, не заставляли думать вовсе. Обнаружив, что уже пять утра, Андрей сначала немного обрадовался, а потом пожалел, что вообще посмотрел на часы, ведь теперь он будет время от времени украдкой на них поглядывать в надежде, что злополучные три часа прошли.

В школе тоже так бывало: заметив, что до конца урока осталось минут десять, смотришь на часы каждую минуту, надеясь, что время пойдет быстрее, но секундная стрелка словно замедляла ход, слова учителя раздражали слух. Так бывает каждый раз, когда ждешь окончания того, что не очень-то нравится.

В семь глаза начали закрываться от ударной дозы алкоголя. Всего час. Андрей утешал себя мыслью, что все скоро закончится, он сможет лечь спать. Так приятно было представлять ощущения мягкого материала, обволакивающего со всех сторон.

«Это ведь работа, непыльная, денег приносит достаточно. Так и чего жаловаться? Большинство ведь так и живет. А что еще нужно?» - Думал парень, отправляя очередной ответ.

До восьми утра было еще две заявки. Наконец, девятка

сменилась на ноль, и Андрей проделал все то же самое, что и в начале смены, только наоборот: написал сменщику, потом отправил пару писем в отдел разработки, проверил почту, вышел из аккаунта, закрыл все вкладки и, наконец, закрыл злополучный браузер.

Но выключать компьютер не торопился, сонливость, навалившаяся час назад куда-то делась, осталась усталость. Андрей смотрел невидящим взглядом в монитор, глаза резало от его света. Он думал:

«Нормально ли так ненавидеть свою работу? Это же просто работа. Ты ее делаешь – тебе за нее платят.»

С этими же мыслями он выключил компьютер, доплелся до кровати и рухнул в нее. Мысли не давали уснуть еще около часа. Так много вопросов, и так мало ответов. Кто бы все разъяснил в начале взрослой жизни, чтобы не приходилось вот так терзаться?

Наконец, где-то в половине десятого мысли материализовались в образы, и Андрей уснул. Проснулся около четырех вечера. Даже сам удивился, что так рано. Обычно после ночной смены он отлеживался часов до семи или восьми. Уснуть снова не получилось, и спустя час тщетных попыток, он все-таки встал. Поставил чайник, насыпал в кружку две ложки быстрорастворимого кофе и отправился в ванную. После душа залил кофе кипятком, лениво поболтал ложкой. Постоял так около минуты, подошел к холодильнику и выудил оттуда бутылку коньяка. И от души плеснул в кофе. Затем сделал

глоток из бутылки, чуть поморщился. Все-таки он не был поклонником коньяка. Вернул бутылку на место и, взяв кружку, отправился в свою комнату. Поставил кружку на стол и, устроившись в кресле, закурил.

Кругом сплошь стояли бутылки. На полу с позапрошлой ночи все еще валялся пепел. Вечно расправленная кровать на случай непредвиденного желания вздремнуть. Но, в основном, Андрей аргументировал это тем, что потом ее все равно нужно будет расправлять, так и зачем тогда вообще беспокоиться о такой мелочи?

Когда Андрей возвращался в комнату с третьей по счету кружкой «ирландского кофе», в коридоре раздался тихий скрежет замка. Парень остановился в дверном проеме, глядя на входную дверь.

В коридоре сначала показались отполированные черные туфли, следом - каштановая макушка владельца.

- Денис. – Констатировал Андрей, слегка удивленный.

- Привет. - Сосед стянул клетчатый заснеженный шарф и аккуратно повесил на плечики. Бросив взгляд на кружку, усмехнулся, - Неужели купил молоко?

Андрей ответил кривой улыбкой.

-

Будешь?

-

Да, пожалуй. Только человеческий.

Через минуту была готова новая кружка кофе, эта - без секретного ингредиента. Денис сделал осторожный глоток.

-
Да уж, - улыбнулся, - по этому я точно не скучаю.

-
Чем богаты. - пожал плечами Андрей. - Надолго на этот раз?

-
Не хотел сразу с порога, но раз ты спросил... – Денис заглянул в свою кружку и поставил ее на холодильник. – Меня повысили, так что я уезжаю в Москву

.
Андрей недоумевающе уставился на соседа.

-
Не знаю, насколько именно, но минимум на год. И пока ты не начал переживать об аренде – я уже нашел тебе соседа. Вернее, соседку. Заедет через неделю или около того.

Брюнет сделал большой глоток из своей кружки.

- Ладно.

- Все нормально?

- Да, а что может быть не так? Что за соседка?

- Да как-то случайно возникла в разговоре с приятелем, мол, приезжает скоро, а с жильем не определилась. Вроде, хорошая.

- Вроде?

- Лично я с ней не знаком.

- Ладно. – Андрей сделал еще глоток. – А что за повышение?

- Начальник отдела, если вкратце. Больше никаких командировок, буду сидеть в офисе, в основном. – В голосе Дениса слышалась легкая горечь.

- Ясно.

- Такие дела. - Сосед вздохнул, - Теперь нужно собрать бумаги, подписать бумаги. Переводы и передачи полномочий. В общем, бюрократический аттракцион.

- Небольшая плата за повышение в Москву.

- Пожалуй. Работаешь сегодня?

Андрей покачал головой.

-

У нас в штате тоже перестановки, так что пока график неустойчивый. Но я все равно пойду к себе. Ты с дороги и все такое.

С этими словами парень поплелся в свою комнату. Денис хотел его остановить, но не стал, молча глядя вслед удаляющейся сутулой фигуре. Когда дверь в комнату соседа закрылась, шатен забрал с холодильника кружку и ушел к себе.